

Виктория Ли

Жилец дома №5

Мистические истории
о русской нечисти

Деревенская мистика

Виктория Ли

**Жилец дома №5. Мистические
истории о русской нечисти**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

Ли В.

Жилец дома №5. Мистические истории о русской нечисти /
В. Ли — «Издательство АСТ», 2026 — (Деревенская мистика)

ISBN 978-5-17-177915-3

В далекой Полеховке есть дом – дом номер пять. Когда-то последняя его хозяйка бежала, спасаясь от поселившегося там зла. Десятилетия дом стоял пуст, тих и покоен, пока в него не въехала новая пара – с тех пор в Полеховке снова неладно. Семейные тайны, черное колдовство, соседские шепотки – а еще трещина в браке, которая расползается все шире, когда один из супругов начинает видеть то, чего не должно быть. Что остается второму – верить или отвернуться? Наступал час сумерек, которые растили темных двойников. По земле выстелился черный лес, рядом с фонарем лег черный близнец. Дома в Полеховке тоже разбросали теневых соседей, и только один из них сам был как тень, без двойника – дом номер пять. Мистический литературный хоррор Виктории Ли – журналистки, писательницы и исследовательницы русского фольклора.

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-17-177915-3

© Ли В., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктория Ли
Жилец дома № 5. Мистические
истории о русской нечисти

© Виктория Ли, текст, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Пролог

Полеховка, Н-ская область, 1994 год

Ольга лихорадочно собирала вещи:

«Только бы выпустил, только бы выпустил!» – билось в голове. Руки торопливо заталкивали в сумку деньги и документы, кажется, прихватила и мужнины, но разбираться времени не было. Мысленно женщина уже неслась прочь – выбегала за калитку, затем на площадь, потом в соседнее Лениново (сперва придется пешком, ну и пусть), там сядет на автобус и в областной центр.

Кому она была нужна в чужом городе, не думалось. Инстинкт самосохранения, как и положено, до поры спрятал, скрыл все лишние вопросы, сомнения и домыслы, поставив перед ней одну главную задачу – выжить. Выбраться из Полеховки. Закинув на плечо сумку, Ольга подхватила тюк с бельем и парой платьев, а затем торопливо зашагала к двери. Из спальни все громче доносились мольбы и рыдания. Звуки эти вонзались в женщину призрачными крюками и тянули-тянули обратно – *«Ты же должна помочь. Ты не можешь уйти»*.

Ольга крепко зажмурилась. О чувстве вины, о долге, о своем предательстве она тоже подумает позже. Отмолит, отработает. А сейчас нужно двигаться, бежать как можно дальше.

– Сам так решил, – прошептала женщина сухими губами, – сам решил, а я не... – Она продолжила пересекать комнату, не отводя глаз от выхода, но снова запнулась. Впереди в паре метров от двери на дощатом полу лежала фигурка: игрушечный человечек в красной рубаше с крохотным венничком в кулачке.

– Нет, – Ольга вновь сомкнула веки, не имея сил смотреть на игрушку. Пальцы, сжимающие тюк, окатило болью. Она перевела взгляд на выпавший узелок с вещами – еще минуту назад холодный (как и все в этом чертовом доме) он полыхал, будто облитый керосином. Тени вокруг сделались ярче, больше, мгновенно раскрасив комнату в цвета ада – алый и черный. Казалось, это заточенные в стенах бесы подобрались совсем близко, готовые сойти в человеческий мир. Фигурка на полу задымилась. Ольге хотелось плакать, выть, пламя сильно обожгло кожу, но женщина не издала ни звука. Стиснув зубы, швырнула сумку с документами вслед за горящим тюком (пусть забирает все!) и рванулась вперед.

– Прости – про-о-о-ости! – неслось вслед, и Ольга понимала, что муж вымаливал прощения не у нее.

Как только захлопнулась дверь, все звуки смолкли, отрезав ледяную внутренность избы от нормального деревенского мира. Предупредить соседей о возможном пожаре даже в голову не пришло – женщина отлично знала, что дому ничего не грозит. Чего не скажешь о запертом в нем человеке. Не помня себя, бывшая хозяйка и жена мчалась прочь, каждую секунду ожидая, что на пути снова возникнет оно. Однако ничего такого не случилось – серая утренняя дымка проглотила ее фигуру, навсегда вымарав из Полеховки.

Глава 1

Москва, 2023 год

– Ну и что, что добираться далеко! – воскликнул Влад, недовольно глядя на жену. – Можно подумать, тебе каждый день на работу надо...

Он собирался сказать что-то еще, привести очередной весомый довод, но быстро понял, что опоздал. По щекам Поли уже вовсю катились крупные слезы. Точеный (буквально выточенный пластическим хирургом за немалые деньги) носик опасно заалел, голос задрожал и надломился. Намечалась привычная сцена, ну конечно, как же без нее. Влад обреченно замолк, понимая, что договорить ему не удастся – сейчас последуют рыдания. И Поля не подвела, выдала свой главный, измусоленный, избитый, но все равно действенный аргумент.

– Вот всегда ты меня попрекаешь, – пожаловалась она. – А я, между прочим, никогда от тебя не скрывала, какая я! Сам говорил, что тебе нужна жена, а не ломовая лошадь, а теперь ты... – Девушка громко задышала, давая понять, как трудно ей даются эти «унизительные» (именно так она их называла) слова, – А теперь ты попрекаешь меня работой!

– Господи, Поля, – Муж досадливо взглянул на раскрасневшуюся, застывшую в скорбной позе жену, – Ну кто тебя попрекает... не об этом же речь.

Они были вместе уже пять лет, и Влад, который считал, что любит Полину, все чаще ощущал себя сдавленным, спеленутым, посаженным на цепь. Причем даже не цепь, а цепочку – нелепую, тоненькую, модного цвета и фасона, но при этом неразрушимую.

Покорность и неконфликтность Поли, которую он сперва принял за легкий и добрый нрав, оказалась с довеском. Дело было в том, что никогда не спорившая (это же «не по-женски») Полина при любом несогласии, словно царевна из сказки, ударялась оземь и превращалась в жертву. Хрестоматийную. Страдающую. Беззащитную...

По первости, подобные представления действовали на Влада безотказно. Он бросался к любимой, каялся, заваливал цветами и стыдился, что по глупости и грубости своей огорчил такую нежную, деликатную девушку. Но со временем муж уловил некую закономерность, которую пока даже сам про себя боялся назвать подходящим именем.

Будь Полина похожа на его мать или сестру – тем палец в рот не клади, Владу было бы проще отстаивать свое мнение, а здесь... Все установки «настоящего мужчины», которые воспитывались в мальчике с раннего детства (рос он без отца) складывались в последовательную и прочную позицию: лежащих – не бьют, женщин – не обижают, слабым – уступают. А тут прямо комплект из всех трех. Поэтому абсолютно непривычный к женским слезами Влад так за пять лет и не научился выстаивать в семейных ссорах. Но сегодня выхода не было.

– Далеко или нет, а нам, моя дорогая, нужно думать о будущем – досадливо бросил он, – это не конец света.

Полина, не ожидавшая отпора, замолкла и удивленно уставилась на мужа. А тот торопливо продолжил, хватаясь за телефон и тыча в первое попавшееся приложение, лишь бы не смотреть на девушку.

– Деньги дают хорошие, даже отличные... и вообще, это не на всю же жизнь. Полгода всего, а потом обратно вернемся.

Причиной разногласия между супругами оказалась затяжная командировка, в которую на этот раз Влад – молодой и талантливый архитектор, окончивший МАРХИ – Московский архитектурный институт, собрался ехать с женой.

«Осчастливил ее, ага – мрачно думал он, – и в горе, и в радости».

Ипотека, которую молодожены взяли, а точнее сказать, в которую вляпались сразу после свадьбы, под ударами бесконечных кризисов делалась неподъемной. Влад, как и обещал, обеспечивал семью полностью, но желания Полины, сперва державшиеся на вполне скромном, выполнимом уровне, со временем становились все более затратными. Нескончаемые косметологические процедуры, шоппинг, ужины и бранчи в модных местах и еще тысяча мелких, неуловимых затрат копились и буквально поедали бюджет – словно рыбки-пираньи из Амазонки. Именно так представлял себе этот процесс Влад, который, как и все архитекторы, обладал ярким визуальным мышлением. Минимум пару раз в месяц встречались и расходы-акулы, те уже отхватывали по серьезному куску от банковского счета. А нужно было еще думать о ребенке, Полина уже намекнула, что время-то поджидает, часики тикают – ну разумеется.

Короче, когда один из клиентов порекомендовал Влада своему состоятельному другу, желавшему занять резиденцию в модном сейчас русском стиле, тот согласился. Раньше, молодому человеку не приходилось полностью вести проект, но на этот раз заказчику требовалось, как он выразился, «ежедневное присутствие» на стройке.

– Знаю-знаю, – говорил Александр Палыч (свое отчество он произносил именно на стариковский манер, теряя середину, хоть на вид ему было не больше сорока), – после КОВИДа все привыкли руководить из дома. Только у меня так не пойдет. Мне нужно, чтобы человек держал руку на пульсе, понимаете? Чтобы когда что-то пойдет не так, а оно обязательно пойдет – это как пить дать, можно было все оперативно порешать. Вас, Владислав Вадимыч, – отчество Влада он тоже обкромсал, – мне рекомендовали как специалиста надежного и ответственного. Уверен, что вы и сами увидите, что на месте вам будет... ну... сподручнее.

Влад видел только одно: заманчивая сумма, которую клиент обещал за проект, была им совершенно необходима.

Сперва планировал оставить Полю дома, сам слабо себе ее представлял в дремучей (по меркам коренного москвича) деревне. Но потом на него как будто что-то накатило – не злость, а обида, даже обидка, как в детстве. Задевало, что хваленые хозяйственность и женственность, которыми Полина оправдывала свое «сидение дома», будут ему без надобности, если оставить жену в Москве.

«Раз уж она такая великая хранительница очага, пусть и хранит, – думал он, – где муж, там и очаг».

Кроме того, к ее чести, готовила Поля действительно вкусно, а еда, как известно, первое и универсальное утешение. Самому Владу тоже не очень-то улыбалось тащиться за тридевять земель, да еще и на полгода. Но куда деваться, такая она, семейная жизнь.

Глава 2

Вышеупомянутый Палыч собирался возводить свое «родовое гнездо» возле одной из деревень N-ской области. Дело в том, что специалисты по генеалогии нарисовали ему солидное «дерево», на ветвях которого будто бы разместились выходцы как раз из той самой Полеховки. Желая «припасть к корням» клиент был готов потратиться и на доставку всех материалов, и на рытье собственной скважины, и на установку скоростного интернета, и на оплату полугодового содержания всей московской бригады, вместе с прорабом, дизайнерами и прочими присными. Вот уж правда, деньги есть – ума не надо.

Разместить всю эту столичную команду оказалось делом непростым, если вообще выполнимым. Прилагающаяся к шикарному озерному участку деревенька дышала на ладан и грозила в ближайшие десять-пятнадцать лет очутиться на местном кладбище в полном составе. Вся публика состояла из двух пересекающихся улиц, по десятку домов на каждой (причем еще не во всяком теплилась жизнь), магазинчика, в котором завоз случался дай бог раз в две недели, почты, открытой только по вторникам в «плавающие» утренние часы, и местного клуба, куда и заглядывать было боязно. Но это еще ладно, настоящей проблемой Влада и Поли оказался пронырливый прораб, который успел застолбить все более-менее приличные дома для своей бригады еще пару месяцев назад.

– Вот же жучара, – бормотал про себя архитектор, глядя на буквально единственный оставшийся пригодным дом, который, судя по всему, не помнил жильцов со времен Перестройки.

С гримасой мученика Влад обернулся через плечо и посмотрел на съезжившуюся на переднем сидении Полину. Выходить та, по-видимому, не собиралась. Сделав глубокий вдох, молодой человек отправился выуживать жену из машины.

– Владик, – немедленно произнесла Полина тоненьким голосом, как только муж распахнул дверь. – Ты же... ты же не всерьез собираешься остаться здесь. – Она в ужасе перевела глаза на предлагаемую для размещения избенку. Снова подступила досада. Да уж, как будто он сам мечтал тут остаться, как будто сам, выбирая между пятизвездочным отелем и бутик-апартаментами, решил предпочесть этого допотопного монстра.

– Нет, я пошутил, – саркастически бросил Влад, – за углом нас ждет апарта-отель с джакузи и ежедневным завтраком.

Сказал и сразу пожалел, увидев, как в глазах Полины отразилось облегчение. Господи-боже. Влад присел на корточки возле жены, словно мать перед капризным ребенком.

– Поля, – произнес он, стараясь контролировать свой тон и не позволяя раздражению прорваться, – я понимаю, что это не то, к чему ты привыкла. – У Полины ожидаемо задрожал подбородок. (Ну началось – как по нотам). Влад облизнул пересохшие губы и продолжил. – Понимаю, что тебе здесь очень-очень непривычно, – на левую щеку жены выкатилась первая прозрачная бусинка – вестник грядущей бури. – Правда, понимаю, – он потянулся, чтобы взять ее за руку, но она отпрянула так резко, словно Влад и отвратительный дом сделались чем-то общим, единым, с чем Полина – столичная девушка – не желала иметь ничего общего. Муж не вытерпел. Молча захлопнул дверь и направился к багажнику, чтобы взять чемоданы. Не хочет мириться с реальностью – отлично. Слишком долго он поддерживал ее хрустальный мирок, где все вопросы можно было решить надутыми губками и картинными слезами. Пора ей познакомиться с реальностью и понять, что деньги добываются, а не по волшебству оказываются на их совместном (он зарабатывает, она – тратит, и никак иначе) счете.

Когда Полина все-таки выбралась из машины, на улице уже стемнело.

Влад сидел возле старенькой газовой плитки и грел воду в большой жестяной кастрюле. Кто-то, может даже чертов прораб, все-таки позаботился о будущих обитателях избенки, оста-

вив четыре ведра и две больших баклажки, на которых черным маркером было выведено «ПИТ. ВОД». Услышав робкий шорох у порога, молодой человек снова подобрался, Полине еще предстояло узнать, что из крана течет только коричнево-мутноватая жидкость, а «удобства» – именно в кавычках, потому что ничего удобного в этом нет – на улице.

На минуту снова захотелось пожалеть жену и отправить ту обратно в Москву. В конце концов, она действительно не подписывалась на такие условия. Но потом Влад окинул затравленным взглядом пыльные стены, сбитую бордовую краску на половицах, мутные стекла с серыми от грязи занавесками и решил, что один здесь не выдержит. Нет уж, все-таки произносила же Полина эти слюнявые брачные клятвы. Да и их многострадальный бюджет, если честно, вряд ли выдержит скучающее одиночество Поли в Москве.

На следующий день в восемь утра новый архитектор уже обозревал место будущего «родового гнезда» клиента. Шея ныла, голова раскалывалась. Ей-богу, последствия семейных склок – похлеще похмелья, там хотя бы в начале весело. Спал в прошлую ночь он просто отвратно. И дело было не столько в том, что Владу достался хлипкий короткотулый диван со следами атак моли и кошек (Полина ожидаемо заняла единственную в доме кровать), сколько в колючей, удушливой атмосфере ссоры. Том осязаемом неприятии, выносить которое ему всегда было тяжелее всего. Молодой человек слегка надавил на затекшие плечи, помассировал. Нет уж, надо думать, как умиловить жену, иначе нормального сна ему не видать.

Мысли эти прервал бодрый голос:

– Выглядишь не очень, Владислав Вадимович!

Ага, спасибо за откровенность.

Пожимая руку много раз всею помятого прораба, пробормотал:

– Новый проект, Глеб Алексеевич, много задач, сами понимаете.

– Понимаю, – ухмыльнулся тот, и Влад догадался, что он действительно все понял. Сочувственно хлопнув архитектора по плечу, мужчина продолжил:

– Знаю, что вам достался домишко не ахти. Я, если честно, сам невольно приложил к этому руку, – тут он слегка замялся – привык, знаешь, заранее вопросы размещения решать.

Влад молча кивнул – ну да, кто успел, тот и съел. Закон джунглей. Однако Глеб Алексеевич удивил:

– Я уже своим ребятам сказал, чтобы они – с вашего с женой разрешения, конечно – заглянули, ну и подшаманили там по мелочи че надо. Трубы посмотрели, отопление. Мой старшой тут одну даму из соседнего села знает. Так вот она согласилась прийти и помочь, – прораб причмокнул на поварской манер, хваля то ли саму женщину, то ли ее клининговые умения, – *марафет* навести...

Влад опять выдал механический кивок, отлично сознавая, что скорее всего смотрится глупо и даже невежливо, однако более путного ответа дать не получалось. Он одновременно ощущал почти детские благодарность и ломящий стыд за свои вчерашние мысли в адрес этого человека. Не командировка, а просто гилт-трип какой-то.

Глава 3

В следующую неделю занимались обустройством. Глеб Алексеевич не обманул и действительно отправил целый взвод строителей. Те деловито принялись «улучшать обстоятельства», как это называл старшой прораба – Айрат. Сам Влад тоже сложа руки не сидел: съездил и купил обогреватель на бензине, генератор, кипятильник, кровать-матрас и, конечно, биотуалет. О том, чтобы пользоваться уличной отхожей будкой, речи и не шло. Все расходы клиент-Палыч великодушно разрешил записать в счет рабочих трат. Правда вопрос с горячей водой для душа еще не был решен, но выручила соседка – добрая душа.

Она носила книжное чопорное имя Аврора Карповна. Как оказалось, в честь одноименного бронепалубного крейсера – кто бы мог подумать. Вообще эта семидесятисемилетняя женщина оказалось одной из самых общительных жителей Полеховки, которые хоть и безропотно приняли на постой строительную бригаду, но держались слишком уж отчужденно и настороженно, даже по деревенским меркам. Сказывались, видно, редкие связи с внешним миром. А вот у Авроры Карповны имелся образцовый внук, который жил в городе-миллионнике, отлично зарабатывал и во время частых наездов неустанно обустроивал комфорт любимой бабули. Старушка, имевшая не только суперсовременный бойлер, но и просторную ванную с купелью, предложила «милрой девочке» (Полине) заааживать, когда той удобно и пользоваться благами цивилизации.

Работы у Влада на начальной стадии их проекта – расчистке участка и последующем рытье котлована – практически не было. Он, конечно, все равно появлялся на стройке каждый день и, как и напутствовал клиент, «держал руку на пульсе». Однако пульс этот под умелым руководством прораба бился сильно, ровно и не требовал никаких вмешательств. В другое время, молодой человек был бы рад такой передышке. Последние восемь лет он работал на имя – то есть сверхурочно, практически без выходных и с большим объемом задач. Однако сейчас ссора с женой, перешедшая в состояние тлеющего конфликта, заставляла чувствовать себя измотанным и ненужным. Но в один день ситуация изменилась.

Началось все с печки. Деятельный Айрат, которому, похоже, немного нравилась стройная и хорошенькая Полина, отнесся к помощи по обустроиванию избы с большим энтузиазмом. Он постоянно заглядывал, чтобы что-то подправить, починить, прибить и проверить. Профессионалом Айрат, как и все люди Глеба Алексеевича, был отменным и вскоре главная комната – убранная, вымытая, с заново выкрашенным полом и заставленная обновками смотрелась почти мило. Оставался только один изъян – печка. Она была сложена практически в центре комнаты с выходящим на чердак дымоходом. Когда-то белая и нарядная, сейчас краска на ней облупилась, зев покрылся слоем копоти и мелкой трухи, словно выпачканный грязью рот, а огонь внутри гореть решительно отказывался.

– Ну вот, – изогнув брови скорбным домиком, произнесла Полина, – такая красота пропадает. Ведь это же почти камин! Можно было бы принести кресло-качалку, вот как у Авроры Карповны, и сидеть с пледом и книжкой. Ну хорошо же!

Эта уютная зарисовка предназначалась не Владу, а Айрату, который в очередной раз что-то «подправлял» в доме, но муж находился рядом и тоже все слышал.

«Угу, – сварливо думал Влад, – с книжкой. Книжку ты, дорогая, последний раз держала в 2018 году, когда нарядилась на Хэллоуин Гермией Грейнджер. Да и ту купила ради обложки».

Айрат же, который не видел никакого диссонанса в описываемой Полиной сцене, легко согласился.

– И правда, Поля, отличная идея. Сейчас подумаю, как можно решить ваш вопрос.

Полина счастливо и музыкально засмеялась. Влад закатил глаза – посмотрите-ка, и тут нашла решальщика. Тем не менее именно ремонт печки подвел Полю к примирению. Верный своему слову старшой действительно за пару дней разобрался и с дымоходом, и с побелкой. Новая печь теперь смотрелась строго, солидно и, как выразилась жена, «аутентично». А дальше случилось неожиданное. Помимо готовки, Поля умела еще кое-что – отлично рисовать. Она никогда не стремилась получить художественного образования (по ее же словам «не видела в этом смысла»), хоть муж и предлагал. Однако врожденный талант позволял девушке интуитивно создавать живописные наброски. И вот, при виде белого холста печки, на Полину нашло. Она достала где-то краски и буквально за полдня расписала печку странными (Влад никогда таких не видел), но довольно изящными, узорами.

– Ну что за красотища, – восхищалась заглянувшая в гости Аврора Карповна, – Поленька, да ты просто волшебница!

Девушка довольно улыбалась в ответ, разглядывая собственное творение, а затем обернулась к Владу и молча, но крепко обняла его. Реабилитированный муж сперва застыл, а затем прижавшись губами к ее гладким волосам произнес на ухо:

– А ведь соседка права, даже я не знал, что ты так умеешь.

Вечером Полина, ставя на старенькую плитку элегантный чайник с гладкими боками уже объясняла свой «бизнес-план».

– Сам подумай, Владюша, – бодро говорила она, засыпая листовой чай в ситечко, – куковать нам еще месяцев пять, хочешь не хочешь, а мы здесь застряли...

Тот метнул на нее полусердитый взгляд.

– Вообще-то не застряли, – заметил он, – а отправились на работу, и вообще...

– Знаю-знаю, – нетерпеливо перебила Поля, – я не к тому. Просто время это можно использовать с умом.

Влад усмехнулся – ого, что-то новенькое от гедонистки Полины.

– Посмотри вот сюда. – Она выудила телефон в фигурном чехле и сунула под нос мужу.

На экране красовалась лента соцсетей, которую девушка вела как отличник – дневник: строго, продумано и развернуто. Но несмотря на привлекательную внешность хозяйки, регулярность и интересные локации (как уже упоминалось, Поля обожала трендовые места), реакций и подписчиков у нее было немного. Кадрам не хватало оригинальности, какой-то своей особенной истории. Всем, кроме одного. Последний пост отображал какое-то невероятное, сверхъестественное количество лайков. И что самое удивительное, на фотографии красовалась вовсе не сама Полина, а та самая расписная печь. Точнее изображения было два: комната в пыли, с содранным лаком на половых досках, грязными окнами и облупившейся печью, а вторая – уже в обновленной обстановке.

– Да, – согласился муж, – трансформация впечатляющая.

– Ты что, не понимаешь?! – лихорадочно затараторила девушка. – Это супер возможность. Мы так отремонтируем весь дом.

– Зачем? – удивился Влад.

– Затем, – отрезала Поля, – ну что ты такой тугой! Мы в реальном времени будем восстанавливать дом и выкладывать это в соцсети. Понял? Мой аккаунт мигом наберет подписчиков.

– Поля, я... – снова начал муж.

– Ну что, что тебе не нравится?! – взвилась Полина. Как ни странно, про себя отметил Влад, слез в голосе так и не наметилось. – Ты меня сюда привез, я понимаю, твоя карьера важна и это отличный проект. Но что мне прикажешь делать? Сидеть и гонять чай с Авророй Карповной? Или может корову научиться доить? Или лапти вязать?

Молодой человек поморщился, представив аккуратную чистенькую Полину, держащую в наманикюренных пальчиках лыко.

– То-то и оно, – возвестила жена. – У тебя будет дело, и у меня тоже. И разве плохо, что мы восстановим дом? Он же все-таки старинный, дореволюционной постройки...

«Ага, это она уже от Айрата наслушалась». От мыслей о последнем слегка испортилось настроение.

Влад снова взглянул на Полю: щеки покраснелись, глаза горят – впервые горят от какой-то идеи, а не покупки. Согласился.

Покупок, правда, избежать все равно не удалось. Для «качественного контента», как выражалась жена, нужно было и качественное оборудование. Но это уже сопутствующие траты.

Глава 4

Переменам в поведении Полины, которые так удивляли Влада, дивилась и она сама. Никогда особенно ни к чему не тяготевшая и не имевшая четкого плана на жизнь, в Полеховке девушка словно очнулась. Ощущение было, будто бы внутри нее внезапно заработала стрелка давно сломанного компаса.

Росла Поля в тепличных, но при этом строгих условиях, которые отсекали все ненужные – то есть непригодные для семейной жизни – стороны. Спроси ее родителей, те бы совершенно честно ответили, что делали все для счастья дочери. Правда «их» дочь сильно отличалась от реальной девочки, жившей с ними под одной крышей.

Как-то раз Поле попался пост про ножку-лотос. Оказывается, в Древнем Китае для того, чтобы обеспечить хороший брак, ребенку еще в младенчестве ломали пальцы ног и туго бинтовали. Делалось это ради «маленькой стопы». Невеста с «ножкой-лотосом» даже передвигалась с трудом, не говоря уже о работе, однако высоко ценилась на брачном рынке. Все потому, что только очень солидный и состоятельный господин мог позволить себе жену-аксессуар. Вот и ей – Полине с детства ломали и стягивали все, что не относилось к браку. Даже институт выбрали не по интересам, а по количеству парней на потоке.

Окончательно признать этот факт пришлось в восемнадцать лет. Пока подруги получали подарки по интересам – поездки, одежду, гаджеты, перед Полей лег голубой конверт с витой эмблемой. Девушка все поняла мгновенно. И как было не понять, ведь ей досталась «совершенно неудачная» наследственность.

– Ой, в отцовскую родню пошла, – всякий раз причитала родительница, глядя на крупный четкий профиль дочери. Эта процедура «разглядывания» тоже сопровождала Полю с самого детства. Порой доставалось отцу и его «мамаше» – бабушке. Выходило по всему, что беспородный нос оказался вкладом с *той* стороны. Подраставшая Полина все надеялась, что отец однажды возьмет да и скажет что-нибудь вроде «А я считаю, что это красиво! И вообще, сама разберется», но так и не дождалась. Вместо этого, он рассеянно выслушивал жену, не понимая ни ее жалобами, ни обреченной молчаливостью Поли.

Вопрос необходимости пластики тоже не обсуждался. Пока девушка вскрывала конверт, родители смотрели радостно и гордо, словно дарили счастливый билет – нечто долгожданное и много раз ею запрошенное.

«Слава богу, что живу не в Древнем Китае, – впоследствии думала Полина, изучая новую себя в зеркале, – а то моя нога была бы сломана не в пальцах, а пополам. Ну чтобы наверняка».

После замужества в жизни мало что поменялось. Поля продолжала существовать как бы в двух семьях, так и не научившись защищать себя (и теперь Влада) от непрошенных, а порой откровенно вредительских советов.

– Запомни, Полюша, – втолковывала мать, – без детей женщина неполноценна. Пуста. Да и муж от такой быстрее уходит, ничего же не держит. Ты-то не молодеешь, почти тридцать уже (Полине исполнилось двадцать шесть), а этих-то... – голос ее в такие моменты наливался ядом, – становится-то все больше.

Мать не выносила более юных женщин и постоянно вела с ними воображаемую борьбу, считая, что абсолютно каждая «вертихвостка» (в разговорах с подругами использовался термин покрепче) спит и видит, чтобы разрушить «приличную» семью.

Полина не хотела быть как родители, но, привыкшая во всем их слушаться, не перечила и соглашалась. Поднимала вопрос о детях с Владом, но тот отчего-то сопротивлялся. И в сопротивлении этом теща тоже винила непутевую дочь.

– Ну что ж ты в лоб лезешь своими разговорами, – шипела та, – надо же по-умному, по-женски.

В переводе на человеческий это означало втихую бросить пить таблетки, а потом поставить мужа перед счастливым фактом.

Может быть, в какой-то момент девушка так бы и поступила – поддалась предложениям матери, как поддавалась всегда, однако мешала одна и та же мысль. Червоточинка в глянцевої картинке не пары, а уже семьи. Вдруг, если Влад начнет любить кого-то нового, Поля снова станет вторичной, незаметной?

Однажды, когда Полина еще не была замужем и даже ни с кем не встречалась, они с подругой Лидой разговорились на тему идеального мужчины. Тогда Лида, выслушав описание девушки, усмехнулась и сказала:

– Поль, кажется, ты не мужа ищешь, и даже не папика...

– А кого? – спросила Полина.

– Мамочку, – ответила подруга. – Ты хочешь, чтобы тебя любили безусловно – совсем как мамаша своего бесячего трехлетку.

– Кто тут трехлетка? – фыркнула Поля. – Начитается своих психоблогеров, а потом людей кошмарит. Запомни: мужчина должен обожать тебя, иначе ничего путного не выйдет.

– А ты что должна? – подначила Лида.

– А я должна не превращаться в клушу и растрепку, – повторила девушка заученные с детства слова.

Так и жила, стараясь сохранить фигуру – пять раз в неделю в спортзал, молодость – походы к косметологу, и интерес – выходы с подружками в видные места. Последнее, чтобы доказать себе (ну и матери), что мужчины все еще пытаются знакомиться, а значит и Владу она интересна.

Подспудно все это очень утомляло. Просыпаясь утром, Полина чувствовала внутри некую неуловимую пустоту – как будто что-то маячившее на периферии сознания постоянно привлекало ее внимание. Но при попытке ухватить и рассмотреть это «что-то» растворялось, ускользало. И только уехав от Москвы, от родителей, от тех самых «вертихвосток» на модных переливчатых улицах, Поля выдохнула. И не потому, что полеховская жизнь была какой-то необыкновенной или многообещающей, а потому что это была ее – Полинина жизнь.

Впервые, глядя на себя, одетую в удобную, носкую одежду для переделки дома, девушка не ощущала за своей спиной призрак матери. Тот, который нашептывал тревоги и глупости, указывал на несуществующие морщины и внушал чувство недостаточности и собственной ничтожности.

Когда ниточки, за которые дергали Полю родители, вновь тянули обратно – обычно это происходило во время еженедельных телефонных разговоров, девушка смотрела на свою расписную печь. Да... с росписью этой, кстати, вышла интересная, почти мистическая история.

Глава 5

Рисовать Полина действительно любила всегда, но практически все работы выходили вторичными. Она умела в точности повторить понравившийся ей контур, почти как в обводилке-раскраске, и имела твердую руку. Однако без какого-либо поощрения рисовала нечасто, стыдливо пряча «каракульки» (еще один привет из детства) от чужих глаз.

Во взрослом возрасте девушка показывала рисунки Лиде и Владу, и те восхищались, хвалили, советовали развивать явный талант. Поля в ответ улыбалась, махала рукой и снова откладывала серьезную попытку. До тех пор, пока не оказалась в Полеховке. В первую же неделю здесь Полина заполнила свой «рисовальный альбом» чуть ли не наполовину. Думала, что это все от злости и кучи свободного времени. Она тогда еще дулась на Влада за необустроенный дом и показательно отказывалась убираться, готовить или вообще делать что-то в избе. Деревенские, как Поля называла их про себя, рисунки сильно отличались от обычных набросков – это были не копии, не зарисовки по памяти, а нечто совершенно новое, необычное.

По правде говоря, разнился даже сам способ рисования, эти моменты больше походили на транс. Вот, например, возьмется Полина за карандаш, проведет линию, другую, а потом раз – и уже сидит над готовым узором. Отлично помнит начало и конец, но вместо самого процесса – провал. Словно кто-то невидимый щелкнул пальцами над головой, приказав заснуть, а потом очнуться. Причем случались такие приступы «творческого забытья» не только, когда под рукой был альбом. Иногда Полине вообще не нужны были инструменты для рисования.

Как-то деревню накрыл туман, плотный, густой. Поля никогда в жизни не видела такой белесой пустоты и ей представлялось, что это гигантский кот бродит по Полеховке, облизывая окна молочным языком. Подойдя к такому запотевшему стеклу, девушка провела ладонью по поверхности, но видимости это не прибавило. Тогда она принялась водить пальцем по матовой глади – вроде совсем недолго, несколько секунд, но обнаружилось, что все стекольное полотно сверху донизу исписано знакомыми узорами. Смущенная Полина тогда быстро стерла рисунки, не желая, чтобы Влад увидел. Еще подумает, что ей здесь нравится, ага.

В другой раз, Поля сидела на берегу, думая, как бы вернуться в Москву. Ладони машинально зачерпывали и перебирали гладкие как фасоль камешки. Насидевшись, девушка поднялась, чтобы пойти домой, глянула под ноги и обнаружила те же самые знаки – выложенные из прибрежных глыб. В голову тогда же пришла популярная байка о том, как Менделеев увидел свою периодическую таблицу во сне. Может, и Полине сознание тоже намекает? Она сфотографировала красивый каменный узор, а по дороге к избе размышляла уже не о Москве, а своем новом открывшемся таланте.

Вообще, символы эти преследовали Полю, возникая на мучной дорожке, если та пекла пироги, на зеркале в ванной Авроры Карповны, когда Поля принимала горячий душ, на пыльной тропке, если девушке приходилось стоять пару минут – кончик ботинка сам собой выводил очередную завитушку. Поэтому, когда появилась возможность расписать печь, Поля даже не раздумывала. Попросила у Айрата краску и кисть и перенесла орнамент на накрахмаленный печной бок. Вышло действительно грандиозно: рука точно знала и сам орнамент, и правильное расположение, и размер каждого из узоров. Мало кто даже из профессиональных художников смог бы сделать роспись настолько мастерски – и девушка страшно гордилась собой. После этого одержимость символами прекратилась, узор, получив реальное воплощение, оставил Полю. Однако вид его до сих пор завораживал, успокаивал, а когда было нужно – приглушал тяжелые чувства. Она подолгу любовалась печью, особенно после разговоров с матерью.

Так и случилось в одно из августовских воскресений. Праздновали День строителя, точнее Поля осталась дома одна, а Влад с командой уехали отмечать в соседний городок. Полину, конечно, тоже звали, даже уговаривали, но девушка отказалась: горел контент-план и нужно

было успеть доснять и выложить видео. Первым же отзывом на такую блогерскую самоотверженность стала порция упреков. Родительница, увидев в социальной сети новый образ дочери – комбинезон, косынка поверх толстой косы и кроксы, – пришла в ярость.

– Что за ужас!?! – выплюнула та, как только Поля ответила на звонок, – это ты так перед Владом расхаживаешь?! Да он скорее на деревенскую козу посмотрит, чем на тебя!

Девушка, выслушав поток возмущений и причитаний, коротко заметила:

– А людям нравится, мам, ты не заметила, сколько у меня прибавилось подписчиков?

– Так ты не с подписчиками живешь!

К счастью, перепалка эта не была долгой, мать опаздывала на очередную косметическую процедуру (ее борьба с вертихвостками никуда не делась). Поэтому Полина, получив предупредительный залп, была отпущена на волю.

Несмотря на обидные слова, плакать почему-то не хотелось. Поля просто отложила телефон и приблизилась к печке. Погладив теплую гладкую поверхность, рассеянно перевела взгляд вниз. У жерла лежала фигурка. Девушка подняла ее и присмотрелась. Похоже на игрушку из папье-маше или полимерной глины. Маленький – с палец ростом – человечек носил красную рубаху с косым воротом, а в руке держал крошечный, сложенный из настоящих прутьев, веничек. На другую руку, сжатую в кулачок, был приклеен бурый камешек. Его простецкое лицо расчертили сколы, а намалеванные голубой краской глаза потускнели. Казалось, что это было совместное творчество – к купленной игрушке кто-то приделал самодельный веник и найденный камень.

Глава 6

Поля еще несколько секунд подержала в руках горячую (наверное, нагрелась от печки) фигурку, а затем бросила ее к кучке других вещей, ожидавших своего вердикта.

Изредка в избенке, помимо пыли, мусора и подранных кресел, все же встречались интересные экземпляры. Например, один раз повезло найти красивый поднос с пышными нарисованными цветами. После чистки выяснилось, что он очень даже пригодный и весьма редкий – с ранним клеймом именитой фабрики. В другой раз нашлась швейка – старинная форма пялец, как потом объяснила Аврора Карповна. Попадались и посуда, и масляная лампа, открытки и даже пара потемневших икон. В общем, горка вещей с потенциалом набралась немалая, и Поля раздумывала, не сделать ли интересный обзор для подписчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.